

~~8.1~~
~~8.23~~

569004

83

42

1934

containing
in
of the
the
many

№ 66

Экземпляръ сей оная согласенъ
совершенно въ надлежность и

РУКОВОДСТВО

статистическому въ свѣдѣніи
Харьковъ, 1844. Къ Деламъ В. А. Давидовича

СТАТИСТИКЪ

НАПИСАННОЕ

77
3523

Исправляющимъ должность Профессора Статистики въ Харьков-
скомъ Университетѣ, Надворнымъ Советникомъ,

Александромъ Рославскимъ.

1909
1781x

Въ печати. 11. Мая 1844.

Рославскій, А. Александровичъ.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1844.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Іnv. №

Прочтено
СНБ 1844

5017
НБ ХНА

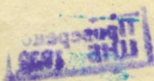
59.

569004

По опредѣленію 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета, состоя-
щаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, на осно-
ваніи 20 и 120 §§ Высочайше Утвержденнаго Устава импера-
торскихъ Россійскихъ Университетовъ, печатать позволяется 11-го
Апрѣля 1844 года.

Деканъ А. Валицкій.

2014
НХ ХН

Издавая руководство къ Статистикѣ, считаю неизлишнимъ замѣтить, что теоретическая часть науки оставлена мною въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась въ 1841 году въ изданномъ тогда мною сочиненіи: «Лекціи о Статистикѣ, читанныя въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ съ тою только разницею, что статья, заключающая рѣшеніе вопроса: » Наука ли Статистика, помѣщена теперь отдѣльно въ видѣ введенія. Что жъ касается до фактической части, то она значительно пополнена и отчасти вовсе измѣнена, благодаря пособію новѣйшихъ сочиненій, которыми я не могъ воспользоваться, при составленіи перваго моего труда, таковы между прочимъ, 4-й и

5-й томы Статистики Европейскихъ государствъ Шуберта, Шнабеля «Европа въ 1840 году», Бернули «Статистика Народонаселенія» (*Populationsistik*), Статистика Австріи Шпрингера и «о Финансахъ Австріи» Тенгаборскаго, Статистика Пруссіи Шнейдера, Статистика Царства Польскаго Завелейскаго, не зависимо отъ множества отдѣльныхъ статей, явившихся въ продолженіи этого времени въ разныхъ отечественныхъ и иностранныхъ журналахъ. Способъ, принятый мною, при изложеніи статистическихъ предметовъ, занимаетъ средину между этнографическимъ и сравнительнымъ, т. е: обозрѣвъ цѣлую группу данныхъ, обнимающихъ извѣстную отрасль общественной жизни въ одномъ государствѣ, я перехожу потомъ къ изображенію состоянія ихъ въ другихъ странахъ. Способъ этотъ, можетъ быть, нѣкоторымъ покажется страннымъ; но опытъ убѣдилъ меня въ его пользу, заключающейся въ томъ, что онъ, не лишая возможности говорить довольно подробно объ особенностяхъ каждаго государства, въ тоже время дѣлаетъ удобными сравненія, столь трудныя для учащихся въ томъ случаѣ, когда пред-

ставляются отдельно цѣлыя Статистическія Монографіи. Сверхъ того въ концѣ руководства я помѣстилъ сравненіе Россіи съ остальными четырьмя первоклассными Державами Европы. Сравненіе это болѣею частію основано на данныхъ, разсы-ланныхъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненія; при всемъ томъ, надѣюсь, оно будетъ нелишнимъ во первыхъ, по той причинѣ, что не все читатели, и особен-но учащіеся, въ состояніи сами дѣлать выводы, а во вторыхъ потому что, излагая статистику предметовъ, я касался часто и другихъ Европейскихъ государствъ, гдѣ дозволяло это состояніе статистическихъ матеріаловъ, хотя и обращалъ преимущественно вниманіе на пять первоклассныхъ Державъ; между тѣмъ, какъ вышеупомянутое сравненіе, состоя изъ выводовъ и данныхъ, исключи-тельно относящихся къ послѣднимъ, даетъ чита-телю возможность безъ труда обнять важнѣйшія фазы общественной жизни пяти великихъ дер-жавъ. Если фактическая часть моего труда и теперь не удовлетворяетъ вполне требованіямъ теоріи, мною изложенной, если моя программа статистики обширнѣе самаго выполненія, то про-

свѣщенныя цѣнители, надѣюсь, нестанутъ упрекать меня за это, зная, какъ скудны и недостаточны досель статистическіе матеріалы, находящіеся въ распоряженіи ученыхъ; но изъ этого послѣдуетъ, что развитіе понятій о наукѣ должно быть въ уровнѣ съ запасомъ собранныхъ ею свѣдѣній; напротивъ того теорія должна всегда шествовать впереди и освѣщать путь практикѣ. Преподаваніе же ея въ учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ двоякую важность: во первыхъ, оно нужно для развитія способностей молодыхъ людей, а во вторыхъ, для пользы самой практики, дабы тѣ изъ учащихся, которые въ послѣдствіи, по обязанностямъ службы или собственной охотѣ, будутъ заниматься собраніемъ и обработываніемъ статистическихъ матеріаловъ, могли приняться за дѣло съ знаніемъ и издавали безобразныхъ сборниковъ, въ которыхъ нѣтъ ни единства идеи, ни отчетливой системы, и которыя, нося названіе Статистикъ, представляютъ неумѣстное и уродливое смѣшеніе разныхъ наукъ.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ СТАТИСТИКУ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

Читанная Преподавателемъ при открытіи курса

въ 1839 году.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ СТАТИСТИКУ.

СТАТИСТИКА ЯЗЫКА

Полное и подробное описание или опись

в 1833 году.

НАУКА ЛИ СТАТИСТИКА?

Мм. Гз.

Можно сказать съ увѣренностію, что, при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія, нѣтъ ни одной науки, которая бы такъ мало была опредѣлена и представляла бы такое разнообразіе противурѣчущихъ другъ другу мнѣній, какъ Статистика. Въ то время, какъ одни превозносятъ похвалами ея еіѣнтифическое достоинство, не оправдывая, впрочемъ, на опытѣ блистательныхъ своихъ теорій; другіе едва удостоиваютъ ее имени знанія; наконецъ, по мнѣнію третьихъ, это даже и не знаніе, а только запасъ болѣе или менѣе полезныхъ свѣдѣній. Вотъ почему начало курса

нашего должно, по необходимости, отличаться от начала курсовъ прочихъ Гг. преподавателей. Въмѣсто того, чтобы вести васъ прямо въ святилище избранной науки, удовлетворить вашей любознательности, показать богатство сокровищъ насъ ожидающее, награду будущихъ нашихъ трудовъ, я долженъ употребить первую бесѣду мою съ вами только на разрѣшеніе сомнительнаго вопроса: наука ли Статистика? А для этого мы должны рассмотреть, въ чемъ состоитъ сущность наукообразнаго знанія вообще, какія отличительныя черты его и потомъ полученный нами выводъ примѣнить къ частному вопросу насъ занимающему.

Всѣ науки, какъ ни кажутся отдѣльными другъ отъ друга и, какъ ни различны предметы ихъ занятій, дружно стремятся къ одной цѣли, суть отрасли одного и того же знанія, которое имѣютъ задачей провести предъ мысленнымъ взоромъ нашимъ неизмѣримую область созданнаго. Отсель предметомъ науки должно быть нѣчто постоянное, непреложное, вѣчное: ибо совокупность бытія не есть простое собраніе случайностей; она подчинена непреложнымъ и вѣчнымъ законамъ, начертаннымъ рукою Мірозда-

теля и осуществляемымъ въ безконечномъ разнообразіи явленій. Эти-то законы, которыми обуславливается ходъ событій, или такъ называемыя идеи, и суть истинный предметъ наукъ; познаніе же, занимающееся феноменами, не имѣетъ никакого сціентифическаго достоинства, точно такъ какъ одни факты, взятые отдѣльно отъ закона своего проявленія, еще не составляютъ бытія, съ которымъ неразрывно связано понятіе постоянства, непреложности, порядка. Но сходство не есть еще тождество. Находясь въ большей или меньшей связи со всѣми и, имѣя одинъ общій центръ, каждая наука въ тоже время должна представлять самостоятельное цѣлое, отличаться независимымъ бытіемъ, дышать своею собственною жизнію, подобно тому, какъ и въ міръ физическомъ, различное распредѣленіе однихъ и тѣхъ же элементовъ порождаетъ безчисленныя тѣла, изумляющія наблюдателя своимъ неумовимымъ разнообразіемъ. Такимъ образомъ, постоянство содержанія и независимость формы, суть два существенныя условія науки. Первымъ опредѣляется цѣль ея относительно прочихъ родовъ знаній; вторая указываетъ на самые способы достиженія этой цѣли: ибо чѣмъ съ боль-

шаго числа сторонъ мы смотримъ на предметъ, тѣмъ яснѣе представляется онъ нашему воззрѣнію. Следовательно, умноженіе наукъ важно въ томъ отношеніи, что оно, увеличивая точки соприкосновенія нашего съ міромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ предѣлы знанія, съ которымъ неразрывно связано подчиненіе природы владычеству разума.

Примѣнивъ эти условія къ Статистикѣ, мы найдемъ въ ней большіе недостатки со стороны содержанія и формы. Что такое Статистика? Какъ ни различны ея опредѣленія, въ сущности, на самомъ дѣлѣ, она является одинакою. (*) Занятію ея обыкновенно предоставляютъ настоящее состояніе государствъ, съ присовокупленіемъ, въ видѣ введенія,

(*) По мнѣнію, наиболѣе основательному и наиболѣе принятому, Статистика есть прилагательное отъ латинскаго слова status, предъ которымъ подразумѣвается существительное ars или scientia и которое составлено по образцу терминовъ: дипломатика и геральдика. Слово status принимается въ двухъ смыслахъ: во 1-хъ оно означаетъ, состояніе, а во 2-хъ государство, совокупность людей соединенныхъ узами общежитія. Спрашивается, откуда должно производить названіе нашей науки отъ государства ли или состоянія? Безъ сомнѣнія отъ первого, а не втораго: ибо иначе слово Статистика имѣло бы смыслъ неопредѣленный, сбивчивый. Еще очевиднѣе доказывается это исторією употребленія слова statistica и ему подобныхъ. Уже во 2-й половинѣ 17-го столѣтія являются слова statisticus, statista въ смыслѣ politicus,

извѣстій и за прошлыя времена, безъ всякихъ, впрочемъ, постоянныхъ границъ, определяемыхъ частію личными цѣлями самыхъ авторовъ, частію же степеню богатства и достовѣрности источниковъ. Однимъ словомъ, это собраніе фактовъ, подверженныхъ непрерывному измѣненію, а не ученіе о постоянныхъ и вѣчныхъ законахъ, которые одни составляютъ истинный предметъ наукъ, и которыхъ такъ настоятельно ищетъ всюду нашъ разумъ, основывая на нихъ свои смѣлыя надежды. Не менѣе недостатковъ откроетъ Статистика, если будемъ разсматривать ея форму. Такъ называемыя статистическія описанія представляютъ искусственное соединеніе разнородныхъ наукъ, лишенное ограниченной

homme d'état, государственный человекъ. Такъ въ 1668 году издана была рѣдкая нынѣ книга: Constantini Germanici ad Justum Sincerrum epistola de Germanorum peregrinationibus, въ которой можно встрѣтить оба слова: statista и statisticus. Такъ и Ольденбургеръ въ 1675 году, въ своемъ Itinerarium Germaniæ, объяснялъ значеніе rationum statisticarum и знаменитому Секендорфу далъ названіе «egregius statista Christianus; достойно замѣчанія, что здѣсь слово statista употреблено въ первый разъ въ значеніи отличномъ отъ Политика». Я не имѣлъ намѣренія, говоритъ Секендорфъ въ предисловіи къ своему сочиненію «der Deutsche Fürstenband» писать общей Нѣмецкой политики, или правилъ государственнаго управленія; но цѣлію мою было-изобразить большую часть Нѣмецкихъ

стройности, не проникнутое единствомъ живящаго духа. Первую степень этой ученой мозаики занимаетъ Географія; за тѣмъ слѣдуетъ описаніе народа; потомъ государственныя учрежденія, еще далье-свѣдѣнія о народномъ богатствѣ и просвѣщеніи. Тѣже предметы какъ въ Географіи, Этнографіи, Положительномъ Правѣ и Исторіи. Таже самая точка воззрѣнія: совершенное тождество содержанія и формы. Если же Статистика не представляетъ ничего новаго, если она только повторяетъ сказанное другими науками; то, слѣдовательно, бесполезно было бы и заниматься ею; не значило бы это терять напрасно труды и время: и безъ того слышны вѣчныя жалобы на краткость жизни, обширность науки: *Ars longa, vita*

государствъ въ ихъ дѣйствительномъ состояніи. Я первый отважился на это, дабы своею попыткою или недостатками побудить другихъ къ совершенію лучшаго (ср. Butte стр. 146.) Этимъ объясненіемъ Секкендорфъ явно показалъ различіе между своимъ сочиненіемъ и политикою и вотъ почему Ольденбургеръ назвалъ его новымъ словомъ «statista» Послѣ сихъ первыхъ случаевъ употребленія словъ, напоминающихъ собою о Статистикѣ, стали ихъ употреблять все чаще и чаще съ самаго начала 18-го столѣтія: такъ у Турмана онъ встрѣчается въ его сочиненіи *Biblioteca statistica*; такъ и Шмейцель имѣлъ въ Іенѣ въ зимній семестръ 1725-1726 *Collegium statisticum, in quo praemissis doctrinae principiiis generalibus Europae regna et status propinabit*. Въ послѣдствіи времени подобное

brevis, говоритъ древняя пословица. Мудрое правило, котораго мы не должны упускать изъ виду всякій разъ, когда что нибудь предпринимаемъ!

И такъ Мм. Гг. вотъ къ какому заключенію привело насъ разсмотрѣніе нашей науки! Я считалъ долгомъ обратить ваше вниманіе на то, что такъ необходимо вамъ знать, прежде нежели приступимъ къ дѣлу: ибо первое условіе усерднаго стремленія къ цѣли есть знаніе ея пользы. Но это еще не даетъ намъ права пренебрегать самую Статистику: замѣчаніе мое относится только къ принятому способу ея обработки, а голосъ большинства не всегда есть голосъ истины. Конечно, односторонность подобнаго взгляда на Статистику дѣлается ощутительною болѣе

Collegium statisticum имѣлъ и Ахенваль въ Геттингенѣ и онъ, какъ замѣчаетъ Шубертъ, называлъ чтенія, касательно государственнаго устройства Европейскихъ государствъ, статистическими гораздо прежде, нежели самую науку Статистикою. Со времени Ахенваля слово Статистика утвердилось въ Германской Литературѣ. Что касается до другихъ народовъ, то они приняли его гораздо позже. Изъ Французовъ Лекеркъ первый употребилъ слово Статистика въ своей *Histoire Civile et Politique de la Russie*; потомъ оно встрѣчается въ сочиненіи ученаго Brion de la Tour въ 1789 году и почти въ то же время у Англичанъ въ *Monthly Review*, и Статистикъ Шотландіи, изданной въ 1791 году Синклеромъ. Но спустя 13 лѣтъ, послѣ промежутка, занятаго Французскою революціею, которая дѣйствовала

и болѣе и, среди множества книгъ, наполненныхъ прежними понятіями, уже начинаютъ являться попытки возсоздать науку, по новымъ требованіямъ, хотя ни одна изъ этихъ попытокъ не удовлетворяетъ полнотою и логическою отчетливостію и, потому, не можетъ быть принята за образецъ. Конечно, собравъ и соединивъ все сказанное разными писателями въ разные времена въ пользу Статистики, мы могли бы составить блестящую теорію ея, неуступающую сціентифическимъ достоинствомъ своимъ ни одной изъ теорій другихъ наукъ. Но, поступая такимъ образомъ, я не хочу Мм. Гг. быть подобнымъ Адвокату, который, заботясь единственно о выигрышъ принятаго имъ на себя процесса, по произволу беретъ мѣста

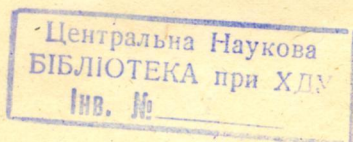
не выгодно на успѣхи наукъ и искусствъ, Ballois въ своихъ *Annales de Statistique*, явившихся въ 1802 году, утверждаетъ, что Статистика для Франціи есть совершенно новая наука. Прежде подобныя сочиненія назывались во Франціи *état de* или *état politique*, или же *tableau politique, militaire, religieux et moral de*. . . . въ Англіи *The present state of*. . . *the political géography of*. (т. е. настоящимъ состояніемъ и политическою географіею государства). Итальянцы уже въ 19 столѣтіи замѣнили свое *descrizione politica* статистикою, а Португальцы и Испанцы и по нынѣ употребляютъ только прилагательное статистическій, съ которымъ соединяютъ существительное, означающее описаніе или Географію. Даже Датчане и Шведы приняли въ свою литературу слово Статистика. Въ Россіи

изъ законовъ, приводя только нужное для своей цѣли и оставляя безъ вниманія все прочее. И такъ, постараемся отыскать другое средство защитить права нашей науки, низойти до самыхъ простыхъ началъ ея, поставить себя въ такое состояніе, откуда бы могли осмотрѣть все собственными глазами и свести къ одному центру разнородныя и противурѣчущія мнѣнія. А для этого намъ надобно прежде рѣшить вопросъ; къ чему ведетъ изученіе Статистики? Цѣль опредѣлена — средства окажутся сами. Зная предметъ науки, легко показать ея содержаніе.

Относительно цѣли, съ какою изучается Статистика существуетъ одно общее мнѣніе: «nur eine Stimme» какъ сказано въ новѣйшей Нѣмецкой Энциклопедіи. Всѣ писатели согласны въ томъ, что Статистика въ

оно употреблено въ первый разъ въ 1795 г. на заглавіи сочиненія: Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе и пр., гдѣ Россійская Имперія описана статистически, какъ никогда еще не бывало. Книга эта, заключающая много любопытныхъ статистическихъ свѣдѣній, была запрещена и, какъ можно заключать изъ вырѣзанныхъ листовъ, за нѣкоторыя рѣзкія мысли о древней Русской Исторіи и Французской революціи, а потому она теперь очень рѣдка. (См. Теорія Статистики Карла Германа помѣщен: въ Статистическ. Журн. 1806 годъ I. стр. 17-18.

Слѣдовательно Статистика, по настоящему смыслу этого слова, означать государствовѣдѣніе — науку о государствѣ.

ряду наукъ имѣть благородное и высокое назначе-
ніе — что она Ангелъ хранитель и челоуѣчества и
народовъ, какъ называетъ ее Мейзель, что уроки ея
необходимы для каждаго члена общества, особенно
же для правительства, которое, неозаренное свѣтиль-
никомъ опытности, даже при лучшихъ намѣреніяхъ,
не можетъ осуществить своего призванія. Такъ дума-
ли о Статистикѣ уже при самомъ началѣ ея и пол-
ные ожиданія взоры устремлены были къ ней со
всѣхъ сторонъ, едва она появилась въ свѣтъ. Ахенваль
и Бюшингъ, Мейзель и Шнабель, Шубертъ и Джойя
всѣ эти писатели, столько не согласные во взгля-
дахъ на науку и то, чѣмъ она должна быть, удиви-
тельно сходны тамъ, гдѣ дѣло идетъ о цѣли ея изуче-
нія. Но, прославляемая учеными, Статистика еще бо-
льше уважается правительствами. Каждое Европейское
государство лелѣетъ ее съ особенною заботливостію и
любовію, повсюду основаны разные Статистическіе
Депю, Бюро, Департаменты (*). Швеціи принадлежитъ

(*) Мысль образованія Бюро принадлежитъ нашему вѣку. Правда,
назадъ тому 100 лѣтъ, разныя правительственныя мѣста доставляли
статистическія свѣдѣнія, но эти свѣдѣнія касались только отдѣльныхъ

честь установленія перваго Статистическаго общества, которое, по прошествіи каждаго пяти лѣтъ, должно было сообщать свѣдѣнія о состояніи земли и народа. По слѣдамъ Швеціи пошли Англія и Франція, гдѣ образовавшіяся въ послѣдствіи общества, особенно Лондонское и Парижское, могутъ похвастаться первыми въ Европѣ по своей обширности и отличному устройству. Исключивъ изъ записокъ своихъ всякія умствования, и строго ограничивая свое вниманіе на однихъ

предметовъ и кругъ ихъ былъ очень тѣсенъ. Такъ напр. Консисторіи доставляли извѣстія о числѣ рожденій, браковъ и смертныхъ случаевъ, таможи о количествѣ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, судища о процессахъ; но никто не заботился о сличеніи этихъ извѣстій и сведеніи ихъ къ одному центру для облегченія Администраціи. Въ Швеціи, основано въ 1744 году первое Статистическое Бюро (Tabellen-Comptor) которое, руководствуясь новыми свѣдѣніями, обязано было чрезъ каждые пять лѣтъ доносить о состояніи жителей и народнаго богатства. Но уже въ вѣкъ Французской Революціи идея этихъ учреждений получила обширѣйшее развитіе. Еще во время Директоріальнаго Правленія, Министръ внутреннихъ дѣлъ Францискъ Нефшато требовалъ отъ Префектовъ Департаментовъ статистическихъ свѣдѣній всякаго рода въ пользу Администраціи. При Консульскомъ Правленіи, Луціанъ Бонапартъ, съ 1800 г. вступившій въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, распространилъ кругъ этихъ требованій, а его преемникъ Шапель поручилъ славному Статистику Пейше начертать планъ всеобщей Статистики Франціи для составленія, по образцу ея, статистическихъ описаній Департаментовъ. Онъ же былъ и виновникомъ

фактахъ, эти общества имѣютъ цѣлью изучать свое отечество преимущественно въ отношеніи экономическомъ, нравственномъ и административномъ. Столь же ревностное усердіе къ Статистикѣ представляютъ и нѣкоторыя страны Германіи, хотя, говоря вообще, разработка статистическихъ матеріаловъ здѣсь не достигла такого совершенства, какъ въ Англіи и Франціи. Наше отечество, соревнуя Западной Европѣ по всѣмъ отраслямъ просвѣщенія, съ особеннымъ успѣ-

перваго Статистическаго Бюро, которое существовало во все продолженіе Имперіи и было подчинено Министру внутреннихъ дѣлъ. Императоръ Франціи подѣйствовалъ и на другія державы. Въ Пруссіи Статистическое Бюро основано въ 1805, а въ Австріи въ 1818 году. Хотя труды перваго, по случаю несчастной войны, были прерваны, но въ 1808 году, при новой организаціи Государства, оно было возобновлено. Во Франціи, кромѣ названнаго, существуетъ еще Bureau des Longitudes, которое издастъ ежегодно *Annuaire*, содержащій въ себѣ важныя статистическія данныя. Сверхъ того въ 1832 году возобновлена учрежденная Наполеономъ и закрытая при Бурбонахъ Академія политическихъ и нравственныхъ наукъ, гдѣ Статистика составляетъ особый отдѣлъ. Эта Академія имѣетъ каждую недѣлю частныя засѣданія и одинъ разъ въ году общія; она начала издавать свои труды съ 1834 года подъ названіемъ *Archives des sciences politiques et morales*. Въ Англіи статистическія извѣстія сообщаются по разнымъ отдѣленіямъ Парламента. Въ Россіи съ 1802 года предписано губернскимъ мѣстамъ доставлять въ Министерство внутреннихъ дѣлъ статистическія извѣстія, частію для пользы текущихъ дѣлъ, а частію для составленія общей Статистики Государства. Первый от-

хомъ подвизается на поприщѣ Статистики, чему способствуетъ не одно подраженіе иностранцамъ, но и пробудившееся стремленіе возсоздать образованность, основанную на истинныхъ началахъ народности. Установленіе Статистическихъ Комитетовъ, множество драгоценныхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ официальныхъ журналахъ и наконецъ, изданіе Статистическихъ Матеріаловъ, имѣющихъ цѣлю ознакомить Русскихъ съ Россіею, суть доказательства того вниманія, которое

четь по Министерству внутреннихъ дѣлъ былъ обнародованъ въ 1804 году, а съ 1834 года существуетъ при этомъ Министерствѣ Статистическое Отдѣленіе и учреждены Губернскіе Статистическіе Комитеты. Цѣль Статистическаго Отдѣленія есть приготовленіе полного и, по возможности, точнаго описанія состоянія всѣхъ частей подвѣдомственныхъ Министерству внутреннихъ дѣлъ. Для достиженія этой цѣли, дозволено ему имѣть Членовъ и Корреспондентовъ между людьми свѣдущими для собранія свѣдѣній на мѣстѣ. Можно надѣяться, скажемъ словами Г. бывшаго Министра внутреннихъ дѣлъ, Д. Н. Блудова, что, при усердномъ содѣйствіи сихъ Комитетовъ, мало по малу пополнятся остающіеся доселѣ пробѣлы въ нашей Отечественной Статистикѣ. (О Стат. Бюро срав. статью Германа. Взглядъ на нынѣшнее состояніе Статистики въ госуд. Европ. помѣщ. въ жур. Минист. Внутр. дѣлъ 1829. книжка 2. стр. 361 и слѣд.).

Съ этими официальными учрежденіями находятся въ тѣсной связи ученые Статистическія Общества, которыя съ недавнихъ временъ заведены во всѣхъ образованныхъ Европейскихъ государствахъ, и болѣею частію находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ Правительства. Джонъ Синклеръ положилъ основаніе первому Ста-

Правительство наше обращает на эту важную отрасль просвѣщенія. Однимъ словомъ, польза Статистики признается всѣми безпрекословно; за нее стоятъ и правительства и ученые; нѣтъ науки, на которую бы столько уповали, которая бы была предметомъ столь блестящихъ надеждъ и которая, прибавимъ мы къ сожалѣнію, доселѣ такъ мало оправдала ихъ.

Знаніе Статистики, говорятъ, полезно въ томъ отношеніи, что оно, проливая свѣтъ на состояніе страны

статистическому Обществу для составленія подробной Статистики Шотландіи. Подобное Общество находится и теперь въ Шотландіи и имѣетъ главный комитетъ въ Единбургѣ. Въ Лондонѣ первое Статистическое Общество существуетъ съ 1826 года и уже издало часть своихъ трудовъ. Собраніе новыхъ статистическихъ матеріаловъ, какъ сказано въ Уставѣ, есть первое дѣло общества, а также оно обязано приводить въ порядокъ и обнародывать матеріалы уже существующіе. (Подробнѣе объ этомъ см. *Plan d'opérations de la société statistique de Londres. Revue d'E. III. стр. 126—29*). Въ 1829 году Моро-де-Жоннезъ основалъ Статистическое Общество въ Парижѣ, которое, неограничиваясь отечественною статистикою, простираетъ свои изслѣдованія и на другія, преимущественно сосѣднія государства. Для лучшаго достиженія цѣли, оно разсматриваетъ каждую часть государства отдѣльно; во 1-хъ землю, во 2-хъ народонаселеніе, 3 промышленность; 4 науки и искусства, 5 законодательство, 6 Администрацію публичную, 7 Администрацію правосудія и полиціи, 8. силы физическія, нравственныя и политическія Государства. (*Bulletin de la société de statistique universelle. Paris 1830* (Юльская и Октябрская книжки)). Новѣйшее этого рода общество основано въ Брисселѣ для Бельгійскаго королевства и состоитъ подъ управленіемъ извѣстнаго Кетле.

и истинныя потребности народа, указываетъ правительству, на какіе именно предметы оно должно обращать вниманіе и тѣмъ даетъ ему средство вѣрнѣе устроить благо гражданъ, истребляя дурное, питая и поддерживая хорошее. Не говоримъ уже о безпрестанной измѣняемости статистическихъ циферъ,—положимъ, полученныя нами числа суть вѣрныя представители того или другаго элемента государственной жизни въ извѣстную эпоху; много ли, спрашивается, выиграетъ отсюда общественная польза? Для счастья народовъ, такъ какъ и умонедѣлимыхъ, недостаточно только понимать, только чувствовать тяготящее надъ ними зло; надобно имѣть средства пособить этому злу, уврачевать раны, требующія немедленной помощи; первое же условіе удачнаго выбора лѣкарства есть знаніе причинъ разстройства организма; безъ этого условія нельзя сдѣлать ни шагу впередъ, точно же такъ, какъ медику для удачнаго пользованія больнаго, необходимо познакомиться съ обстоятельствами, предшествовавшими нарушенію его здоровья и свойствами его организма. И такъ ясно, что для цѣлей практическихъ недостаточны одни факты, но что для этого нужно еще

многое и что знаніе причинъ статистическихъ фактовъ должно быть предметомъ особеннаго нашего вниманія. Но здѣсь новый источникъ затрудненій: на одно и тоже событіе могутъ дѣйствовать разныя обстоятельства. Слѣдовательно, наблюдатель, при опредѣленіи причинъ, легко можетъ ошибиться, можетъ принять нету мѣру, какую надобно было взять и такимъ образомъ, вмѣсто предполагаемой пользы, разстроить еще болѣе организмъ политическаго тѣла. Съ другой стороны, не всякая мѣра, коей благодѣтельность оправдана опытомъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, должна служить предметомъ всеобщаго подражанія; ибо все состоитъ подъ вліяніемъ закона времени и мѣстности. Одно и тоже учрежденіе, при разныхъ обстоятельствахъ, можетъ сопровождаться различными, даже противоположными дѣйствіями. Какія вредныя слѣдствія влекутъ за собою близорукіе виды народовъ, ослѣпляемыхъ подражаніемъ, Исторія представляетъ множество тому доказательствъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. — Увлеченная благоденствіемъ Англіи, приписываемымъ обыкновенно гражданскому ея устройству, Франція установила у себя подобное правленіе. Что же вышло отсюда?

Система учреждений, называемая Английскою конституціею, не смотря на нѣкоторые недостатки, дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ имѣетъ благотворное вліяніе на судьбу Английской націи; ибо она вытекла изъ жизни ея народа, есть результатъ его исторіи. Три законныя, существенныя части Парламента: Король, при безпредѣльномъ уваженіи къ нему всѣхъ состояній, дворянство съ его могущественнымъ вліяніемъ, поддерживаемымъ огромными богатствами; наконецъ, сословіе гражданъ, воодушевляемое стремленіемъ къ свободѣ и сочувствующее требованіямъ промышленности, представляя три самостоятельныя, равно могущественныя силы, блудутъ равновѣсіе общества и не позволяютъ ему подчиниться исключительному вліянію одного элемента, что, какъ и всякое нарушеніе закона, неминуемо повлекло бы за собою безпорядки. Но подобное гражданское устройство, не могло быть благотворно для Франціи, которая воспиталась подъ вліяніемъ другихъ историческихъ обстоятельствъ, гдѣ власть Короля потрясена ложными понятіями о равенствѣ, гдѣ дворяне, не владѣя обширными помѣстьями, не имѣютъ никакой значительности и вся власть, которая по за-

кону должна быть раздѣлена, въ дѣйствительности находится въ рукахъ палаты депутатовъ. И вотъ почему общественное спокойствіе Франціи такъ мало обезпечено, вотъ почему коренные законы ея подвержены столь частымъ измѣненіямъ. Приведенный здѣсь примѣръ касается образа правленія; возьмемъ другой, относящійся къ Государственной Экономіи. (Онъ помѣщенъ Джойемъ въ его Теоріи Статистики). Испанское правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, написало изъ Южной Америки стада выгоней съ тѣмъ, чтобы развести ихъ въ своихъ Европейскихъ владѣніяхъ. Животные, привыкшія къ температурѣ Кордильерскихъ горъ, разумѣется, не могли снести знойнаго неба Андалузіи и погибли всѣ до одного. Эти примѣры, коихъ число мы могли бы увеличить, не служатъ ли доказательствомъ, что однихъ наблюденій не достаточно для достиженія цѣли обществъ; но что необходимо сводить собранные факты къ одному общему центру, обдумывать ихъ причины, соображать слѣдствія и, такимъ образомъ, замѣчая сходство, объясняя различіе, дойти наконецъ до знанія законовъ, которые могли бы указать намъ правила, какъ дѣйствовать въ жизни. Фактъ всегда останется

фактомъ, то есть, чѣмъ—то непостояннымъ и измѣнчивымъ: только идея наводитъ на правило. Это можетъ быть, представится вамъ яснѣе, если мы прибѣгнемъ къ Аналогіи наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ природы вещественной, которая во многихъ отношеніяхъ открываетъ любопытныя точки для сравненія съ міромъ нравственнымъ. Пока вниманіе челоѣка останавливалось на однихъ окружающихъ его феноменахъ, пока онъ не возвысился до знанія ихъ законовъ, до тѣхъ поръ каждый шагъ его къ цѣли былъ шатокъ, не вѣренъ, съ робостію повсюду онъ обращалъ свои взоры, онъ уподоблялся неопытному хозяину, который жилъ прежде въ бѣдной хижинѣ, а потомъ, получивъ въ наследство богатый домъ, долго не можетъ привыкнуть къ своей новою сферою и котораго на каждомъ шагу затрудняетъ множество предметовъ, назначенныхъ для удобствъ образованной и утонченной жизни. Но разумъ взялъ свое. Человѣкъ открылъ законы естества и его отношенія къ окружающему міру перемѣнились. Природа, нѣкогда столь страшная, покорно простерлась у ногъ своего повелителя и грозныя силы ея основали пьедесталь, на которомъ онъ воздѣ-

вигъ престолъ своего могущества. Тоже и въ міръ нравственномъ. Прійдетъ время, когда и онъ будетъ имѣть своихъ Франклиновъ, Ваттовъ, когда объяснятся причины всѣхъ явленій, когда откроются законы, управляющіе событіями, по видимому, самыми неопредѣленными, случайными и новая, лучшая, совершеннѣйшая жизнь будетъ наградою этого великаго подвига, вполне достойнаго разумныхъ существъ. Оскорбительная пословица «жить какъ набѣжить» не будетъ болѣе возмущать нашего слуха, и человекъ, по справедливости, назовется владыкою своихъ дѣйствій.

Предоставляя Статистикѣ изслѣдованіе законовъ государственной жизни и ея элементовъ, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые кругъ ея ограничиваютъ познаніемъ настоящаго состоянія государствъ, понимая подъ настоящимъ одинъ опредѣленный моментъ напр. нѣсколько лѣтъ, годъ, или даже мѣсяць. Почерпая свои выводы изъ области опыта и возводя наблюденія на степень идей, она, очевидно, должна имѣть предѣлы гораздо обширнѣйшіе, простирается не только на настоящее, но и на прошедшее, однимъ словомъ, обнимать весь со-

стоянія, или правильнѣе всѣ фазы государственнаго бытія; я сказалъ фазы: ибо слово состояніе, означая сумму явленій, представляемыхъ предметомъ въ извѣстное время, не можетъ быть цѣлю науки, которая, неостанавливаясь на измѣняемомъ, ищетъ неизмѣняемаго, непреложнаго, вѣчнаго. А такъ какъ элементы государственной жизни, кои составляютъ предметъ Статистики, существовали и существуютъ вездѣ, гдѣ только люди образуютъ благоустроенное общество; то, следовательно, несправедливо было бы ограничивать кругъ ея опредѣленнымъ числомъ народовъ, почему нибудь болѣе интересующихъ насъ, или болѣе намъ извѣстныхъ; всѣ вѣка безъ различія и всѣ государства платятъ ей дань свою. Ни чѣмъ не пренебрегая, дорожа малѣйшими подробностями, она на каждую случайность смотреть, какъ на средство къ отысканію нормальности, и всю сумму познанныхъ явленій возводитъ къ общимъ законамъ съ тѣмъ, чтобы, перенесши эти законы въ міръ практики, назначить постоянныя правила для жизни. Руководимые такими понятіями, нѣкоторые писатели какъ на пр. Гаттереръ мечтали о возсозданіи всемірной Статистики. Следуя требованіямъ ума, такъ и должно

бы быть, по, говоря вообще, подобная всеобщность въ строгомъ смыслѣ неосуществима. Ее дѣлаютъ невозможною, съ одной стороны, ограниченность нашихъ способностей, а съ другой, недостатокъ матеріаловъ, утрата многихъ замѣчательныхъ чертъ изъ жизни обществъ и наконецъ самая трудность употребляемые статистикою способы наблюденія примѣнять ко всѣмъ отраслямъ государственнаго быта, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Отсель явствуется необходимость выбора. Вотъ почему большая часть писателей ограничиваетъ кругъ статистическихъ курсовъ изображеніемъ Европейскихъ государствъ, или даже пяти великихъ державъ. Этотъ способъ, во первыхъ основывается на невозможности достигнуть совершенной всеобщности, и слѣдовательно по одному этому уже необходимъ. Но, кромѣ причины отрицательной, онъ имѣетъ за себя и основаніе положительное. Предметъ Статистики, какъ мы уже сказали, есть знаніе законовъ государственной жизни, идея же законовъ, будучи всеобщою, должна непременно проявляться въ каждомъ отдѣльномъ фактѣ и, слѣдовательно, можетъ быть открыта разумомъ, какъ бы ни была велика или мала сумма собранныхъ нами

наблюдений. Вся разница состоитъ въ томъ, что чѣмъ значительнѣе число изслѣдуемыхъ нами фактовъ, тѣмъ бываетъ легче отдѣлнить случайное отъ необходимаго, и на оборотъ, при небольшомъ количествѣ данныхъ, мы можемъ скорѣе подвергнуться опасности, принять частный случай за общій законъ, ибо разуму представляется тогда менѣе точекъ для сравненія. Впрочемъ, природныя дарованія наблюдателя могутъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, замѣнить недостатокъ матеріаловъ. Такъ напр. Вико, изучая законы, которыми человѣческія общества подчинены въ своемъ развитіи, ограничился однимъ только Римомъ и Греціею, почти не коснувшись Востока; тѣмъ не менѣе найденные имъ законы могутъ имѣть приложеніе гораздо обширнѣйшее. Теорія развитія обществъ начертана, упущены только частныя характеристики. Притомъ же, если Философъ наблюдатель, руководимый высшими идеями, и не дѣлаетъ никакого различія между странами и народами, если все человеческое возбуждаетъ въ немъ живѣйшій интересъ, то немогутъ быть столь обширными виды Политика Администратора, который изучаетъ элементы государственной жизни, преимущественно въ отношеніи

практическомъ. Въ такомъ случаѣ Статистика Китая и Японіи, конечно, не принесетъ ему большой пользы; ибо государства эти не могутъ доставить ему предметовъ для подраженія, резко отличаясь отъ насъ своими обычаями, понятіями, своимъ гражданскимъ устройствомъ и стоя на низшей степени просвѣщенія, нежели мы дѣти Европы 19-го столѣтія.

Все изложенное нами доселѣ могутъ нѣкоторые найти несообразнымъ съ сущностію фактовъ. Намъ скажутъ, недостаточно говорить о законахъ, надобно указать ихъ на самомъ дѣлѣ; да и могутъ ли, спросить, законы быть предметомъ такой науки, какова Статистика, которая занимается не только природою, но и людьми; изслѣдуетъ ихъ свойства, отношенія, характеръ: однимъ словомъ, имѣетъ дѣло съ человекомъ, коего непостоянство вошло въ пословицу? Если бы не было другихъ доказательствъ въ пользу существованія законовъ нравственнаго міра, то мы должны бы допустить ихъ необходимость для собственного своего успокоенія: ибо невѣрить общей гармоніи вселенной, значило бы тоже, что отвергать Божественный Промыслъ. Вико превосходно укоряетъ въ близорукости тѣхъ мыслителей, которые,

не подозрѣвая порядка въ явленіяхъ жизни человѣческой, почитали ихъ игрою слѣпаго случая. Философы, говоритъ онъ, или вовсе незамѣчали Провидѣнія, какъ напр. Стоики и Эпикурейцы, или усматривали его только въ гармоніи міра Физическаго: они даютъ нмѣ естественнаго Богопознанія Метафизикъ, въ которой они изучаютъ это свойство Божества, основывая свои сужденія на доказательствахъ, извлеченныхъ изъ природы вещественной тогда, какъ въ экономіи міра нравственнаго они должны бы преимущественно искать доказательствъ Провидѣнія. Впрочемъ, благодаря успѣхамъ Исторіи, мы не имѣемъ надобности прибѣгать къ разсужденіямъ тамъ, гдѣ говорятъ факты, которые дѣйствуютъ всегда сильнѣе апріорическихъ умствованій. И въ этомъ отношеніи главное мѣсто занимаютъ изслѣдованія ученаго, котораго слова мы тотчасъ приводили. Вико первый разрушилъ ту ложную мысль, будтобы дѣйствія человека неуправляются никакими постоянными законами. Правда, результаты представленные имъ могутъ быть приложены только къ развитію народовъ древняго міра; не смотря на то сочиненіе его чрезвычайно важно и имѣетъ для насъ тѣмъ большую

дѣйность, что часть Исторіи, изслѣдованная имъ, болѣе прочихъ, давала пищу нападкамъ со стороны скептиковъ; ибо событія древняго міра, какъ замѣчаетъ одинъ знаменитый историкъ, преимущественно имѣли источникомъ страсти и произошли, такъ сказать, случайно; между тѣмъ какъ въ поступкахъ народовъ новыхъ замѣтно болѣе разумнаго сознанія, а, слѣдовательно, и болѣе порядка. Общій выводъ изслѣдованій Вико тотъ, что у народовъ одна общая природа и что, при дѣйствіи одинакихъ законовъ, она представляетъ одинакія явленія, въ одинакомъ порядкѣ. При семъ случаѣ, Вико превосходно доказалъ совмѣстность человѣческой свободы съ Высшею Необходимостію, рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ, затруднявшій многихъ ученыхъ. По мнѣнію его, основанному на убѣдительныхъ фактахъ, эти двѣ силы равно дѣйствуютъ на проявленіе общественной жизни и личная независимость, которою Богъ одарилъ человѣка, нисколько не мѣшаетъ осуществленію пречныхъ плановъ Творца. Конечно, система Вико далеко не знакомитъ насъ съ всеми законами нравственнаго міра. Глубокомысленный въ общей природѣ народовъ, говоря его языкомъ, Вико слабъ

въ постепенномъ развитіи челоуѣчества; принявъ начало исторіи новой Европы за повтореніе героическаго вѣка Греціи, онъ упустилъ изъ виду, что между народами древними и новыми, кромѣ отличій въ характеръ, существовали еще отношенія во времени, имѣющія свою причину и составляющія необходимыя законы, связанныя съ предначертаніемъ обширѣйшимъ, нежели каково предначертаніе для каждаго народа. Вотъ чего не видѣлъ Вико. Но оставимъ наши замѣчанія и остережемся обвинять мужа, предъ которымъ такъ справедливо благоговѣть потомство! То чего не доставало у Вико, замѣтили и пополнили другіе. Такъ Гердеръ въ Германіи, Тюрго и Кондорсе во Франціи, руководимые мыслию Англійскаго Философа Бакона, съ точностію обозначили ходъ усовершенствованія рода челоуѣческаго, а спеціальныя исторіи наукъ и искусствъ, показавъ превосходство новой цивилизаціи предъ древнею, поставили предметъ этотъ вне всякаго сомнѣнія. Все сказанное нами доселѣ въ пользу существованія законовъ, управляющихъ нравственнымъ міромъ, принадлежитъ Исторіи; но занимая у нея, сестры своей, доказательства для подтвержденія

своихъ идей, Статистика въ свою очередь представляетъ много важныхъ истинъ, которыми можетъ воспользоваться Исторія. Въ этомъ отношеніи я не могу не указать вамъ на превосходное сочиненіе Кетле: «*Sur l'homme et le developpement de ses facultés*». Предложивъ себѣ вопросъ: подчинены ли дѣйствія человека законамъ? Авторъ отвѣчаетъ утвердительно, надобно только, говорить онъ, потерять изъ виду человека, взятаго отдѣльно, а разсматривать его, какъ отрасль своего рода. Такимъ образомъ, лишивъ его индивидуальности, мы легко можемъ отдѣлнить случайное и индивидуальныя частности, которыя имѣютъ мало, или вовсе не имѣютъ вліянія на массу, изгладятся сами собою и позволятъ намъ обнять результаты общіе.» Въ подтвержденіе своей мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ для доказательства, что поступки человека дѣйствительно подчинены законамъ, Кетле приводитъ фактъ, по видимому, самый неопредѣленный и случайный, гдѣ болѣе всего дѣйствуютъ обстоятельства, своснравіе и страсти людей, а именно: количество и роды преступленій. Наблюденія, собранныя имъ за нѣсколько лѣтъ съ точностію и возможною полнотою, показываютъ, что во Франціи

число совершаемыхъ убійствъ не только повторяется каждый годъ съ удивительнымъ постоянствомъ; но что даже орудія, коими производятся эти убійства, почти одни и тѣже, такъ что заранее можно предсказать, сколько человѣкъ обогрѣтъ руки въ крови себя подобныхъ; сколько будетъ отравителей, сколько другихъ злодѣевъ, точно такъ какъ мы заранее можемъ предсказать число будущихъ рожденій и смертей. Это наблюденіе, какъ замѣчаетъ Авторъ, съ перваго взгляда возбуждающее горестное чувство, является напротивъ истинно утѣшительнымъ, если мы разсмотримъ его ближе: ибо, не лишая возможности улучшить состояніе людей, посредствомъ усовершенствованія ихъ учреждений, обычаевъ, системы просвѣщенія и всего того, что дѣйствуетъ на ихъ благосостояніе; оно, съ другой стороны, подтверждаетъ законъ, уже открытый древними Философами, занимавшимися обществомъ въ отношеніи физическомъ, законъ, что, пока существуютъ одни причины, до тѣхъ поръ надобно ожидать возврата одинакихъ послѣдствій. Такимъ образомъ, говоритъ Кетле, хотя число преступленій во Франціи, взятое въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и одинаково; но со време-

немъ оно можетъ уменьшиться и къ этому-то друзья
человѣчества должны устремлять свое вниманіе. По-
добная мысль находится и у другаго знаменитаго
Статистика Франціи Карла Дюпена. Предпринявъ
изслѣдовать производительныя и торговыя силы сво-
его отечества, онъ говоритъ въ своемъ Введеніи:
«я старался измѣрить не только настоящую обшир-
ность ихъ во Франціи; но и скорость развитія, ко-
торая должна опредѣлить наши надежды: ибо силы
эти не неподвижны; онъ возрастаютъ съ преуспѣ-
ніемъ народовъ и умаляются съ ихъ упадкомъ. Отно-
сительно Франціи, Авторъ доказалъ эту истину оче-
виднымъ образомъ.

Не смотря на краткость времени, не позволившую
мнѣ подробно развить предметъ, надѣюсь, вы не со-
мнѣваетесь Мм. Гг. что есть законы, которые управ-
ляютъ бытіемъ Государствъ, что эти законы мо-
гутъ и должны быть предметомъ нашего изученія;
но не только жизнь Государствъ взятая, такъ ска-
зать, въ своей совокупности представляетъ неукосни-
тельное послѣдованіе вѣчному закону; въ малѣйшихъ
частяхъ ея также, какъ и въ цѣломъ, господствуетъ
тоже постоянство, таже удивительная гармонія, тотъ

же неизмѣняемый порядокъ, каждое колесо этой великой машины движется установленнымъ образомъ! Правда, многое еще остается неизвѣданнымъ, наукъ предлежитъ еще совершить обширный путь; но и то, что мы знаемъ уже, даетъ намъ возможность судить о богатствѣ насъ ожидающемъ; такимъ образомъ, законы народонаселенія изслѣдованы съ надлежащею точностію; благодаря Статистикѣ, мы можемъ теперь съ достовѣрностію предсказать, во сколько разъ, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, увеличится число жителей того или другаго государства, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ. Статистика также показала вѣчные рубежи, далѣе которыхъ не восходить раждаемость и смертность въ государствахъ, обозначивъ въ тоже время кругъ, гдѣ можетъ свободно вращаться человѣческая дѣятельность. Теорія Мальтуса, столько напугавшая друзей человѣчества, послѣ новыхъ изчисленій, сдѣланныхъ Статистикою, является въ другомъ, болѣе утѣшительномъ видѣ. Вотъ въ какую формулу приводитъ Кетле свои изысканія о народонаселеніи, основанныя на математическихъ выкладкахъ. Народонаселеніе, говоритъ онъ, стремится къ умноженію въ геометрической прогресс-

сін, но сума пренятствій, которыя противудѣйствуютъ этому стремленію, равняется, при равенствѣ всего прочаго, квадрату скорости дѣйствительнаго возрастанія. По этому какъ быстро ни подвигалось бы впередъ народонаселеніе, оно никогда не столкнется съ крайнимъ предѣломъ своимъ. При приближеніи его къ предѣлу, пренятствія будутъ умножаться съ такою скоростію, что не допустятъ столкновенія; природа возьметъ слѣдующую ей дань смертей, соразмѣрно съ близостію преисполненія; но этотъ долгъ, уплачиваемый по немногу, не такъ тягостенъ, какъ, если приходится уплачивать его разомъ.» Здѣсь особенно замѣчательна Аналогія между законами Механики и тѣми, которые управляютъ человѣческими поступками. Съ распространеніемъ подобныхъ истинъ, сколько ложныхъ мѣръ, въ кон вѣрвала прежняя политика, должны будутъ уничтожиться и уже уничтожаются. Теперь, когда мы знаемъ законъ отношенія между рождабельностію и смертностію, намъ, безъ сомнѣнія, покажутся не совсемъ хорошо рассчитанными поступки Правительства прошедшаго столѣтія, которыя, заботясь объ умноженіи народа, для распространенія его, прибѣгали къ разнымъ искус-

веннымъ средствамъ: такъ напр. общали пенсіи отцамъ десяти и двенадцати дѣтей и которые, не смотря на всѣ свои усилія, не достигли цели. Нынѣшняго правительства, озареннаго свѣтомъ теоріи, основанной на опытѣ, конечно, будутъ руководствоваться совсѣмъ другими правилами; онѣ станутъ болѣе заботиться о сохраненіи жизни гражданъ, нежели объ умноженіи ихъ числа, будучи убѣждены въ той истинѣ, что народонаселеніе идетъ рука объ руку съ просвѣщеніемъ и промышленностію и что, для усиленія перваго, достаточно покровительствовать послѣднимъ. Открытый законъ, что общество, послѣ опустошеній наносимыхъ ему разными несчастными случаями, каковы: голодъ, эпидемическія болѣзни, по прошествіи короткаго времени, приходитъ опять въ прежнее состояніе, свидѣтельствуя о благодати Провидѣнія, пекущагося съ отеческою заботливостію о людяхъ, есть также одно изъ величайшихъ открытій, сдѣланныхъ Статистикою и достойныхъ перейти въ міръ Философін. Но уча насъ идти къ цѣли медленными шагами, не торопясь, подтверждая на опытѣ мудрое изреченіе: *festina lente*, она свидѣлствуетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, какъ слабы

и ничтожны усилія тѣхъ, кои мечтають остановить торжественный ходъ времени. Въ этомъ отношеніи, я приведу вамъ замѣчательный фактъ, представленный Дюпенемъ, фактъ вполне достойный вашего вниманія. Имѣя въ виду важность вліянія поколѣній на жизнь общества, Авторъ все народонаселеніе Франціи раздѣлилъ на два поколѣнія: старое и новое, причисляя къ первому тѣхъ, кои въ 1789 году, во время сзыва Конституціоннаго собранія, были не больше 20 лѣтъ. Изъ наблюдений, собранныхъ имъ, оказывается, что еще въ началѣ 1820-хъ годовъ перевѣсъ находился на сторонѣ стараго поколѣнія, что оно господствовало и въ кругу семействъ и на поприщѣ политическомъ; но уже въ 1827 году рука смерти произвела сильную, хотя и не замѣченную перемѣну, такъ что въ это время между стами тысячами избирателей, лицъ стараго поколѣнія было только 40,000, а чрезъ 10 лѣтъ число ихъ должно ниспасть до 15,400. Старый порядокъ вещей кончился, большая часть прежнихъ дѣйствователей сошла въ могилу, началось господство новаго поколѣнія, а вмѣстѣ съ нимъ должна начаться новая жизнь, новыя требованія и нужды. Противоположивъ другъ другу

эти два поколѣнія и принявъ отличительнымъ характеромъ перваго приверженность къ старымъ уставамъ, не благопріятствующимъ развитію производительныхъ и торговыхъ силъ Франціи, а характеромъ другаго — сочувствіе къ ихъ требованіямъ, Авторъ съ удивительною вѣрностію предсказываетъ необходимость быстрого переворота и подаетъ благоразумный совѣтъ государственнымъ людямъ или принять основаніемъ для будущихъ своихъ дѣйствій силу преобладающую, или же-сойти съ поприща. Если бы эти справедливыя слова, основанныя на ариѳметической очевидности, были услышаны заблаговременно, то Франція, вѣроятно, не испытала бы Іюльскихъ бѣдствій и преобразование, вызванное духомъ времени, совершилось бы безъ всякихъ потрясеній. И послѣ этого, можно ли жаловаться на сухость Статистики? представляя намъ столько важныхъ и поучительныхъ истинъ и указывая правила для жизни, не есть ли она одна изъ самыхъ занимательнѣйшихъ наукъ, посредница между математикою и поэзіею, алгебраическими выкладками и высокимъ лиризмомъ, пробуждаемымъ созерцаніемъ этого стройнаго міра чиселъ; въ которомъ такъ ясно высказываются все-

могущество, премудрость и благость Творца! Вселенная управляется числами, еще заметили древніе; отъ Статистической Теоріи должно ожидать подтвержденія истины этого изреченія.

Теперь перейдемъ ко второй части вопроса: къ доказательству независимости Статистики. А для этого мы должны отдѣлить ее отъ тѣхъ наукъ, съ которыми она обыкновенно смѣшивается, а именно: отъ Географіи, Исторіи и Политической Экономіи. Начнемъ съ Географіи.

Одни и тѣже предметы, говоритъ Бальби, входятъ въ обѣ науки съ тою разницею, что Географъ довольствуется общими выводами, Статистикъ проникаетъ въ подробности. Первому напр. довольно знать, что Франція имѣетъ 154.000 milles carrées, что все населеніе ея равно 32.000.000 и такъ далѣе. Второй хочетъ знать въ разсужденіи земли сколько полей, луговъ, виноградниковъ, огородовъ, садовъ, лѣсовъ, дорогъ, рѣкъ, горъ, какія пространства занимаютъ строеніе, пруды, болота, рудники. Точно также и въ разсужденіи жителей. Слѣдовательно, вся разница Географіи и Статистики, по мнѣнію Бальби, состоитъ не въ одинаковости объема; но можетъ ли, спраши-

чается, подобное обстоятельство быть принимаемо во внимание, при опредѣленіи характеристическаго отличія предметовъ? Самъ Авторъ, кажется чувствовалъ это, и, забывъ о сдѣланномъ различіи, въ другомъ мѣстѣ своего учебника, смѣшиваетъ науки, называя Статистику подробною географіею, а географію сокращенною статистикою. Ошибка Бальби произошла отъ того, что онъ, какъ и многіе другіе писатели, смотрѣлъ на государство, не какъ на существо моральное, одаренное жизнію, но какъ на опредѣленное пространство земли, занятое народомъ, имѣющее свою промышленность, просвѣщеніе, войско, форму правленія и такъ далѣе. Гаттереръ первый окончательно отдѣлилъ Географію отъ Статистики, сказавъ: «земля и народъ, отдѣльно взятые не имѣютъ ничего статистическаго.» Правда онъ не развиваетъ далѣе своихъ мыслей. Но слово сказано. Земля и народъ, отдѣльно взятые, составляютъ предметъ не Статистики, а другихъ наукъ. Въсѣ взяты въ сопредѣльности, не они сами, а нѣчто третее, ихъ отношенія, изслѣдываются въ Статистикѣ, и вотъ настоящее отношеніе ея къ Географіи и Этнографіи. Что въ тѣхъ раздѣльно, то въ ней образуетъ только три

различныя стороны ея идеп. Онъ описываютъ; въ ней описаніе переходитъ въ истолкованіе, въ догмать; — вотъ разность воззрѣнія ⁽¹⁾.

Нѣсколько труднѣе отличить Статистику отъ Исторіи, а именно, отъ той части ея, которая извѣстна подъ именемъ внутренней исторіи. Предметъ этой части исторіи: религія, законодательство, народное просвѣщеніе, промышленность; тѣже элементы входятъ и въ кругъ Статистики. Между тѣмъ исторія и Статистика признаются двумя отдѣльными науками; стало быть, между ними должно существовать различіе; если же оно есть, то какое именно? Не излишнимъ считаю привести въ сокращеніи сужденіе о семъ нашего Русскаго Статистика Германа: «Статистика, говоритъ онъ, отличается отъ Исторіи, какъ своимъ предметомъ, такъ и обработкою его. Исторія старается изобразить всѣ перемѣны, происходившія въ мірѣ съ тѣхъ временъ, съ которыхъ мракъ прошедшаго начинается разсѣваться. Революціи и причины ихъ суть любимые предметы ея. Иначе изслѣдуетъ государство

(1) Критическія изслѣдованія объ Основаніяхъ Статистики Виктора Порошина стр. 43.

Статистика: она проходит не перемѣны, но слѣдствія перемѣнъ.» Слова эти весьма хорошо объясняютъ сущность обѣихъ наукъ, а потому мы оставляемъ дальнѣйшія разсужденія, находя ихъ излишними (1).

Остается показать отличіе Статистики отъ Политической Экономіи. Въ этомъ отношеніи можно замѣтить два различныя мнѣнія, діаметрально другъ другу противоположныя. Одни, а именно тѣ, которые предоставляютъ Политической Экономіи знаніе законовъ государственной жизни, ограничивая кругъ Статистики одними фактами, почитаютъ первую наукою главною, которая, хотя и находитъ въ статистическихъ таблицахъ оправданіе или осужденіе своихъ идей, но можетъ также до познанія ихъ достоинства доходить и другимъ путемъ, и слѣдовательно, суще-

(1) Довольно удачно отличаетъ отъ Исторіи Статистику и Ниманъ, котораго слова мы представляемъ въ переводѣ: Политическая Исторія, подобно Статистикѣ, занимается изслѣдованіемъ Государства. Но послѣдняя останавливается на извѣстной эпохѣ, описываетъ одновременное. Исторія же въ повѣствованіи слѣдуетъ ходу событій, представляетъ ихъ въ самомъ дѣйствіи, изслѣдуетъ ихъ пружины и изображаетъ характеры дѣйствующихъ лицъ. Статистика занимается только результатами случившихся событій, дабы изобразить состояніе произошедшее отъ ихъ совокупнаго дѣйствія въ извѣстное время. (Abriss der Statistik 33).

ствуешь, какъ наука независимая. Такъ знаменитый Авторъ Политической Экономіи Жюль Батистъ Сей, разсуждая о несовершенствѣ Статистики, говоритъ: Политическая экономія познаетъ законы вещей; Статистика — явленія, результаты этихъ законовъ. Первая всегда и вездѣ одинакова; вторая не выражаетъ общихъ истинъ, а только отмѣчаетъ явленія по мѣрѣ того, какъ они встрѣчаются. Вотъ почему Политическая экономія есть основа Статистики, а не на оборотъ, какъ думаютъ обыкновенно. Собственно говоря, Статистика не наука; нельзя сказать: «я знаю статистику, а только я имѣю свѣдѣніе о такомъ-то мѣстѣ, о такомъ-то времени.» Подобное мнѣніе находится въ мартской книжкѣ Энциклопедическаго Обозрѣнія за 1823 годъ. Тамъ, въ разборѣ сочиненія Lowe, настоящее состояніе Англіи, сказано: читая его всякій чувствуетъ, какъ полезно знаніе политической экономіи тому, кто разсуждаетъ о Статистикѣ. Первая объясняетъ ему, откуда происходятъ тѣ результаты, которые вносить онъ въ свои таблицы, и какія послѣдствія можно извлечь изъ нихъ. А безъ этого, что значать тѣ огромныя статистики, которыя, если только возьмемъ лучшіе изъ нихъ, предпо-

живъ, что онъ верны въ ту минуту, въ которую написаны, уже неверны тогда, какъ хотимъ съ ними справиться? Совсѣмъ противоположно мнѣніе другое: оно не только освобождаетъ Статистику отъ зависимости Политической Экономіи; но и подчиняетъ ей послѣднюю такъ, что, слѣдуя ему, Политическая Экономія тогда только можетъ представить безпогрѣшительныя правила, когда правила эти сообразны съ законами, выведенными Статистикою. Несвойственность перваго мнѣнія очевидна и опровергается сказаннымъ выше; но нельзя также согласиться и со вторымъ. Не раздѣляя ни одной изъ крайностей, мы думаемъ, что предметъ обѣихъ наукъ такъ важенъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ столь высокое назначеніе, что имъ нѣтъ надобности унижать одна другую для своего возвышенія. Политическая экономія есть наука о произведеніи, раздѣленіи и потребленіи богатствъ. Она изыскиваетъ средства, какимъ образомъ упрочить физическое благосостояніе человѣка и основать его свободу, руководствуясь правилами, выведенными частію изъ умозрѣнія, а частію изъ опыта. Статистика же занимается изслѣдованіемъ общества въ томъ видѣ, какъ оно есть, и притомъ со

стороны не одного только богатства, хотя это послѣднее составляетъ важнѣйшую часть ея изысканій. Следовательно, объ науки отличаются какъ содержаніемъ, такъ и самыми способами, употребляемыми ими для достиженія своихъ цѣлей.

ТЕОРІЯ СТАТИСТИКИ.

ТЕОРИЯ СТАТИСТИКИ